

— Правда, у тебя пахнет угольным грилем, я знаю, — серьезно сказал Ван Цзэвэнь. — И я действительно немного голоден.

Линь Чэн промолчал.

«Ты сам ничего не знаешь», — подумал он.

Линь Чэн снял свою куртку и отнес её подальше. Запах гриля исчез. Затем он подошел, чтобы помочь Ван Цзэвэню снять пальто.

Наклонившись перед диваном, он жестом предложил тому помочь.

Ван Цзэвэнь понятия не имел, что такое «помочь», и сидел неподвижно, как камень. Линь Чэну пришлось применить силу.

Когда он наклонился, Ван Цзэвэнь внезапно пошевелился и поцеловал его в щеку.

Мягкий, с легкой влажностью.

Линь Чэн замер, ошеломленно глядя на него.

Ван Цзэвэнь облизал губы, обнял его за шею и поцеловал снова.

В ушах Линь Чэна раздался оглушительный грохот, а тело словно опутала огромная сеть, лишив сил. Одной рукой он уперся в подлокотник дивана, чтобы не упасть в объятия Ван Цзэвэня.

В этой странной суматохе он услышал, как открылась дверь, и приближались беспорядочные шаги.

Линь Чэн быстро оттолкнул его, обернулся и взглянул на Лю Фэна.

Он не знал, какое выражение было сейчас на его лице, но, вероятно, оно не было спокойным, скорее, слегка растерянным. Лицо, должно быть, было багровым. Как актер, он, вероятно, подвел.

Но он не мог контролировать себя. Спокойствие стало роскошью.

Он спрятал руки за спину, пытаясь максимально скрыть свое волнение.

Лю Фэн молча смотрел на него некоторое время, затем первым заговорил:

— Линь Чэн, можешь налить мне стакан воды?

Линь Чэн отозвался, сдерживая бешеное сердцебиение, и протянул бутылку воды, из которой пил Ван Цзэвэнь ранее.

— Спасибо, — сказал Лю Фэн.

Линь Чэн схватил свою одежду и сказал:

— Я пойду.

Лю Фэн окликнул:

— Эй, подожди.

Он отпустил Ван Цзэвэня, подбежал и сказал:

— Спасибо, что проводил режиссера Вана. Хорошо, что это был ты. Я не знал, что у режиссера Вана такая привычка, когда он пьян. Раньше он редко пил так много.

Линь Чэн почувствовал, как его голос изменился:

— Ничего страшного.

— Все равно спасибо, — улыбнулся Лю Фэн. — Возможно, ты не знаешь, но режиссер Ван немного гомофоб. Если бы это был кто-то другой, завтра он бы взорвался. Режиссер Ван всегда относился к тебе как к младшему брату, так что, если это ты, то все не так уж неловко.

Дальше Линь Чэн почти не слышал, его голова была заполнена словом «гомофоб».

Он не знал, что произошло за этот день. Кажется, многое случилось, но он был совершенно не готов.

Линь Чэн повернулся, спиной к Лю Фэну.

Лю Фэн почесал ухо и продолжал улыбаться:

— Нет, не то чтобы он ненавидит, просто не любит. Режиссер Ван судит о поступках, а не о личностях, на самом деле он ко всем добр, да и характер у него прямой, поэтому некоторые могут легко ошибиться. Раньше один актер признался ему в любви, и это повлияло на работу. Режиссер Ван разозлился, уволил его и больше никогда с ним не работал.

Линь Чэн опустил голову.

Он знал, что должен что-то сказать, хотя бы пару слов, чтобы отмежеваться. Но ощущение, что его только что сбили с ног, оставило в растерянности.

Он боялся, что его голос выдаст его, что он будет полностью разоблачен.

Что он сделал не так, что все так получилось?

Лю Фэн не стал ждать его ответа, помахал рукой:

— Пока, спасибо за сегодняшний вечер.

Линь Чэн кивнул и зашагал прочь, сзади до него доносились обрывки диалога.

— Лю Фэн?

— Нет, я продюсер. Двигайся, иначе получишь.

Линь Чэн вернулся в себя, только когда обнаружил, что стоит в ванной своей комнаты. Весь путь он провел в оцепенении, забыв, как вернулся.

Весь путь он собирал смелость, чтобы признаться в своих чувствах, но меньше чем за один вечер узнал, что тот, возможно, презирает его за это.

Что вообще происходит?

Он поднял голову и посмотрел на свое отражение в зеркале.

Глаза были слегка красные, но на лице не было и следа румянца. Такой вид действительно можно назвать неподобающим.

Линь Чэн подошел к раковине, приказав себе поскорее выйти из этого состояния. Открыв кран, он плеснул на лицо холодной воды.

Ледяная жидкость ударила по коже, и Линь Чэн вздрогнул. В журчании воды мир стал немного размытым.

Ван Цзэвэнь — натурал, у него, возможно, были девушки, которые ему нравились.

Линь Чэн подставил руки под кран.

Холодная, леденящая жидкость стекала по его пальцам, делая и без того холодные руки еще более покрасневшими.

Это означало, что он может жить нормальной жизнью, открыто говорить о своей любви. Ему не нужно знать, что такое боль, которую нельзя высказать.

Линь Чэн попытался согнуть пальцы, и почти онемевшие руки наконец отозвались легкой болью. Колющая боль пронзила его до глубины груди.

Он закрыл кран.

Между ними нет шансов.

Чтобы не закончить все позорно, пусть так и будет.

Он лег на кровать, нащупал выключатель и погасил свет.

.

На следующее утро Ван Цзэвэнь проснулся с головной болью. Шторы не были задернуты, свет был слишком ярким, и дискомфорт на веках усиливал его раздражение.

Как он мог спать, не задернув шторы?!

Ван Цзэвэнь резко сел, раздраженно потер лицо.

Когда он открыл глаза, то внезапно обнаружил, что напротив него сидит человек, и это его испугало. Тот сидел, как призрак, неподвижно, в позе глубокого размышления.

Ван Цзэвэнь крикнул:

— Лю Фэн, ты что, больной? Что ты делаешь в моей комнате, пока я сплю?

Лю Фэн опустил руку, которой подпирал подбородок, встал и сказал:

— Режиссер Ван, ты проснулся.

Ван Цзэвэнь прижал руку к голове, взгляд метался по комнате, пытаясь что-то вспомнить, и

наконец остановился на слегка подобострастном лице Лю Фэна:

— Это ты привел меня вчера вечером?

Лю Фэн, поняв, что тот ничего не помнит, заговорил подобострастно:

— Ваше Величество, это мой долг!

Ван Цзэвэнь немного припомнил и почувствовал, что что-то не так:

— Я помню, что кто-то все время говорил мне, что его зовут Линь Чэн.

Лю Фэн бросился к нему, притворившись испуганным:

— Ваше Величество — я опоздал на помощь, это не специально! Вчера вечером моя девушка...

Ван Цзэвэнь оттолкнул его:

— Отвали! Налей мне воды.

Лю Фэн подал ему воду и позвонил на ресепшн, чтобы принесли похмельный суп.

Так как было еще рано, Ван Цзэвэнь не спешил вставать.

Он прислонился к изголовью кровати, спокойно размышляя о вчерашних событиях.

Лю Фэн осторожно спросил:

— Режиссер Ван, могу я задать тебе честный и серьезный вопрос?

Ван Цзэвэнь смотрел в окно:

— Говори.

Лю Фэн спросил:

— По нашей многолетней дружбе, ты, когда пьян, захочешь поцеловать меня?

— Я захочу тебя поцеловать? — Ван Цзэвэнь посмотрел на него с презрением. — Мы с тобой просто друзья, ничего больше.

Лю Фэн промолчал.

«Черт! Это чертовски обидно!» — подумал он.

Ван Цзэвэнь провел пальцем по губам, и смутные воспоминания начали возвращаться. Он посмотрел на Лю Фэна в шоке:

— Ты вчера, пока я был пьян, поцеловал меня?

— ?? — Лю Фэн тоже был в ужасе. — Боже, о чем ты вообще говоришь? Ты все еще спишь?!

Ван Цзэвэнь усомнился:

— Тогда почему мне кажется, что что-то странное произошло?

Лю Фэн крикнул:

— Тогда в следующий раз не пей так много!

Ван Цзэвэнь разозлился:

— Кто заставил тебя говорить всякую ерунду, как только я проснулся? У тебя такие нечистые мысли!

Лю Фэн глубоко вздохнул. Сдержался.

Он убедился, что Ван Цзэвэнь не помнит вчерашние события, и немного успокоился. Лучше, чтобы он никогда не вспомнил, и они смогут спокойно закончить съемки фильма.

Ван Цзэвэнь раздраженно понюхал свою куртку и снова выругался:

— Пахнет шашлыком.

Он задумался и с подозрением добавил:

— Но я не помню, чтобы вчера ел шашлык.

Лю Фэн промолчал. «Лучше бы ты молчал», — подумал он.

Ван Цзэвэнь схватился за голову:

— Я попробую вспомнить. Все так запутанно. Я помню, что Линь Чэн привел меня сюда, а потом я, наверное, заснул. Я всегда хорошо себя веду, когда пью, ничего не делаю.

Лю Фэн вздрогнул, сжав край своей куртки, и сказал:

— Режиссер, посмотри на телефон, посмотри новости, нельзя жить только вчерашними воспоминаниями!

Ван Цзэвэнь с подозрением посмотрел на него, но проверка телефона действительно была его утренней привычкой, поэтому он, не задумываясь, достал телефон из кармана и разблокировал его.

Автор хочет сказать:

Ещё раз напоминаю, режиссер Ван — актив.

Мэнсинь — это новички.

<http://bllate.org/book/16819/1546885>